

РЕЦЕНЗИИ

Анна Казакова

ПУТЬ БЕЗ КАРТЫ: ЖЕНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Sultanalieva S. (2023) 'Nomadity of Being' in Central Asia Narratives of Kyrgyzstani Women's Rights Activists. Singapore: Palgrave Macmillan, Springer Nature Singapore Pte Ltd. 169 p. ISBN 978-981-19-5445-0.

Цитирование: Казакова А. Ю. (2025) Путь без карты: женские движения Центральной Азии. Рецензия на книгу: Sultanalieva S. (2023) 'Nomadity of Being' in Central Asia Narratives of Kyrgyzstani Women's Rights Activists. Singapore: Palgrave Macmillan, Springer Nature Singapore Pte Ltd. 169 p. ISBN 978-981-19-5445-0. *Журнал исследований социальной политики*, 23 (3): 603–612.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-3-603-612

Азиатская версия феминизма остается мало освещенной темой в отечественной науке — прежде всего потому, что сама эта повестка за пределами Глобального Запада сравнительно нова. В русскоязычных исследованиях накоплен обширный материал о гендерном неравенстве на разных уровнях: от локального до глобального (Потураева 2020). Есть работы, в которых прослеживается историческая динамика положения женщины

Анна Юрьевна Казакова — д.социол.н., доцент, профессор, кафедра философии, культуры и социологии, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, Калуга, Россия; ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии ИИОН РАН, Москва, Россия. Электронная почта: kazakova.a.u@yandex.ru

в этнических общностях (Николаева 2013; Бараева 2003), анализируется соотношение государственной антидискриминационной политики и фактического равенства (Доржу 1993), рассматривается влияние на гендерные отношения в постсоветской Азии как западных государств, так и радикальных исламских движений (Касымова 2004). Исследователи обращаются к теме виктимизации женщин под воздействием самых разных факторов: от религиозных традиций до военных конфликтов, бедности и разрушения социальных связей (Шаброва, Разворотнева 2022). Наиболее устойчивыми остаются нормы, регулирующие сексуальные, репродуктивные и семейные отношения. При этом фиксируется и постепенное принятие обществом идеи гендерного равенства — прежде всего в политике, труде и образовании. В литературе подробно описаны трансформации гендерных ролей, возникающие на стыке традиционной и современной культур, а также влияние государственной политики, маркетинга и медиа, способствующих «вестернизации» женского самосознания и расширению пространства эмансипации (Березина, Дербугова 2021; Ибраева, Лоу 2016; Smeiyukha 2013; Гудова 2011; Абдулкаримов 2023).

Постколониальный феминизм, относимый к «третьей волне», рассматривает подчиненное положение женщины как результат совокупного воздействия патриархальных традиций, экономических условий и расовых предрассудков. Дискриминация по признаку пола в этом подходе анализируется через призму колониального угнетения (Мильто 2021: 520). Незападные версии феминизма, сформировавшиеся в 1980-е гг., развивались в различных культурных ареалах: Индии (Тюрина 2023), Пакистане (Баканова 2021), Тайване (Степанова 2009), Корее (Самович 2024), Турции (Адаян 2012), Иране (Березина 2021).

Аналогичные процессы в постсоветских республиках Центральной Азии, а также проблемы гендерной дискриминации в национальных республиках России остаются исследованы недостаточно. Между тем именно здесь усиливается воздействие так называемой «двойной колонизации»: сочетания внешнего и внутреннего угнетения, которое все сильнее угрожает благополучию и безопасности человека. По мере радикализации обществ продолжают воспроизводиться жесткие представления о «женственности» и «мужественности», превращающиеся в барьеры на пути личной и профессиональной самореализации (Гришак 2018: 30).

На этом фоне особенно ценным становится голос исследовательниц, представляющих постсоветские и азиатские регионы. Монография киргизско-японской авторки Сыйнат Султаналиевой (*Syinat Sultanaliева*) *Nomadity of Being in Central Asia: Narratives of Kyrgyzstani Women's Rights Activists* (2023) — переработанная версия диссертации, защищенной в Университете Цукуба (Япония) по программе японских и евразийских исследований. Едва появившись, книга вызвала заметный отклик: ее цитировали Саманта Бартон и Алекс Воркман в одной из глав издания

Springer «*Handbook of Critical Whiteness: Deconstructing Dominant Discourses Across Disciplines*» (Burton, Workman 2024), a *International Quarterly for Asian Studies* опубликовал обстоятельную рецензию (Ntakiyica 2023).

Теоретическую основу книги составляет сравнительно-исторический анализ северного (западного), южного (восточного) и советского феминизма, который, как отмечает Султаналиева, западные исследователи обычно не включают в общую историю становления феминистского движения. Национальные контексты она рассматривает на фоне глобальных тенденций и ключевых парадигм: классового и конструктивистского подходов. Опираясь на концепцию «ориентализма» Эдварда Саида, авторка полемизирует с идеей аналитического разделения мира на европейское (хорошее) и другое (плохое) (Р. 140), которое позволяет вытеснить «Другого», незападного человека и культуру, из процесса создания современной истории, сведя его роль к объекту западного влияния (*Ibid*). Эта универсалистская схема распространяется не только на экономические и политические концепты (гражданское общество, демократию переходного периода, рынок), но и на общественные движения, а также на понятия, лежащие в их основе: гендер, сексуальность, феминизм.

Экстраполяция западных теорий на незападные регионы (географически и социокультурно иные) нередко вызывает там протест: активисток и теоретиков женского движения в Киргизии обвиняют в «прозападности» и подрыве национальных ценностей. В этой полемике Султаналиева выходит за рамки критики постколониализма и деколонизации как поздних форм критической теории, направленных против глобального капитализма. Она формулирует собственную концепцию — «номадности бытия», противопоставляя ее как «колониальности» (деколониальности), так и «гибридности» (постколониальности).

Прослеживая историю феминистского движения и его теоретического осмысления, Султаналиева показывает, как общество воспринимало феминизм — как «опасную концепцию», не родную для страны, привнесенную извне (Р. 17), распространение которой нередко воспринималось как угроза традиционному порядку. Выделенные ею этапы развития феминизма (как политического проекта и как академического направления) выглядят как чередование периодов общественного признания и отторжения. Иными словами, идея женского равноправия никогда не была бесспорной: ее принятие чаще диктовалось внешними обстоятельствами, чем внутренним убеждением.

Так, во время Второй Мировой войны женщины были допущены к труду и общественной деятельности из-за острой нехватки рабочей силы. После войны, когда мужчины вернулись домой, большинство правительств стремительно ограничило женское присутствие в публичной сфере: женщин увольняли, лишали возможностей самореализации, возвращали к домашним обязанностям. Это, подчеркивает авторка, говорит не о подлинном

признании равноправия, а о смене форм эксплуатации: от коллективной, со стороны государства, к индивидуальной, со стороны мужчины.

Феминистская повестка остается актуальной, поскольку ранние этапы движения — «первая волна» (от суфражисток до конца Второй мировой войны) и «вторая волна» (основанная на анализе семейных ролей Талкотта Парсонса и трудах Симоны де Бовуар) — исходили преимущественно из опыта белых женщин привилегированных классов, воспринимаемого как универсальный. Именно критика этой ограниченности со стороны западных и незападных исследователей привела к формированию концепций интерсекциональности (пересечения различных форм угнетения) и транснационального феминизма, акцентирующего геополитически и экономически обусловленное неравенство между женщинами. Эти подходы показывают, что восприятие гендерных ролей и сексуальности тесно связано с другими аспектами социального положения: классом, гражданством, этничностью, расой и сексуальной ориентацией (Р. 19), а также с влиянием глобализации и постколониализма.

Долгое время доминирование западной версии феминизма поддерживалось не только этноцентризмом, но и властью английского языка в академическом пространстве — своеобразным проявлением «научного расизма» (Matić 2018). Все, что не переведено на английский, фактически «не существует» в мировом научном обороте. По наблюдению Султаналиевой, такая слепота свойственна и западному феминизму (за исключением марксистского направления), который игнорирует историю женского движения в Советском Союзе и вклад советской политики в утверждение равноправия женщин.

Отношение авторки к советскому наследию двойственno. С одной стороны, она подчеркивает, что гендерный порядок в СССР во многом опережал западные достижения. Права советских женщин были значительно шире: уже в 1930–1950-е гг. они работали наравне с мужчинами, тогда как на Западе Бетти Фридан только в 1960-х поднимала вопрос о праве женщины на труд и участие в общественной жизни. Всеобщее образование, доступ к контрацепции и возможность абORTа существовали в Советском Союзе еще раньше (Р. 24). С другой стороны, исследовательница не идеализирует СССР и видит в его национальной политике продолжение имперской традиции. Колониализм, по ее мнению, возродился уже в первые годы советской власти, хотя и в более «прогрессивной» форме — через креолизацию этносов. Мультикультурализм советской эпохи она называет своего рода спектаклем, прикрывавшим расизм, ориентализм, прогрессизм, структурное неравенство и другие знакомые черты колониального мышления, пусть и в формах государственного социализма (Р. 141). Этносоциальную специфику СССР Султаналиева связывает с российским комплексом неполноценности перед Западом, из-за чего отношения между «метрополией» и национальными республиками зависели от степени их культурной и географической близости к Европе.

После распада Советского Союза во всех бывших республиках, включая Россию, произошел масштабный дискурсивный сдвиг. Он не имел теоретической целостности и сопровождался «перевариванием» новых идей и текстов — от классических до современных феминистских теорий. Понятие «гендер» стало активно использоваться, но нередко теряло аналитическую глубину, превращаясь в риторический инструмент.

Несмотря на собственную позицию радикального феминизма, Султаналиева анализирует развитие гендерных исследований в постсоветском контексте критически и отстраненно. Опираясь на работы И. Жеребкиной и Е. Гаповой, она выделяет две классовые позиции по отношению к феминизму: «эзотерическую» — свойственную академической элите, не стремившейся к общественному резонансу, и антифеминистскую — характерную для локальных групп, поддерживавших мужское доминирование в политике и принятии решений. По наблюдению Султаналиевой, в посткоммунистических обществах понятие социальной справедливости утратило связь с марксистской традицией, где равенство достигалось через устранение классовых различий и гарантии занятости, ухода за детьми и социальной защиты. Теперь же справедливость отождествляется с признанием прав человека, политических прав женщин, их автономии, права на тело и сексуальность (Р. 25). Либеральная идеология, обещавшая включение постсоветских государств в «мировое ядро» (по И. Валлерстайну), вдохновила национальные элиты. В 1990-е гг. идея гендерного равенства была включена в национальные программы развития, однако вскоре проявились противоречия, сохраняющиеся и сегодня. Среди них Султаналиева отмечает оппозицию «ядро-периферия», ориентацию на Запад (особенно выраженную в Прибалтике, Украине и России до консервативного поворота), игнорирование колониально-расового измерения феминистской борьбы и отсутствие солидарности между восточноевропейскими и центральноазиатскими активистками.

Авторка с сожалением отмечает, что феминистки Центральной Азии по-прежнему ориентируются на российскую повестку, тогда как взаимный интерес остается слабым. Одной из острых проблем Султаналиева называет копирование западного пренебрежения к трудовым мигрантам из Центральной Азии, воспринимаемым как «гастррабайтеры» в крупных российских городах (Р. 27). Несмотря на экономическое и политическое сближение стран региона, постсоветские феминистки редко рассматривают мигрантов как уязвимую группу и не ставят под сомнение распространенное представление о миграции как о «социальной эпидемии».

Чтобы выйти из состояния «гибридности», которое Хоми Бхабха описывает как смешение колониального наследия с доколониальными национальными культурами, Султаналиева предлагает собственное понятие — «кочевое бытие», противопоставляя его «колониальности бытия». Эта концепция, по мнению авторки, применима не только к Кыргызстану,

но и для всей Центральной Азии. Она опирается на особое отношение кочевых народов к внешнему влиянию: все иностранное воспринимается либо как временное, либо как нечто, что можно адаптировать под собственные нужды. Кочевники, по ее словам, живут в промежутках между колонизированными землями и теми, которые были лишь временно покорены, сохраняя пространство для свободы действий и избегая роли жертвы (Р. 58).

Султаналиева отмечает, что азиатский феминизм действует схожим образом: он заимствует из глобального феминизма и неолиберализма все полезное (иногда даже присваивая и забывая об источнике) и превращает это в живой бриколаж идей (Р. 132). В отличие от Хоми Бхабхи и Мишеля Фуко, которые видели в таких процессах бессознательное сопротивление власти, Султаналиева трактует «номадное существование» как прагматическое поглощение идей и практик, продиктованное конкретной ситуацией, без стремления к идеологическому самоопределению: «Кочевничество — это прагматическая ориентация, направленная на поглощение самого необходимого и эффективного, отбрасывание остального для достижения тактической цели» (Р. 134). Производной чертой «номадного бытия» авторка называет отсутствие стратегического целеполагания, образа будущего и проектного мышления. Еще одна особенность, восходящая к идеям Жиля Делеза и Феликса Гваттари, — децентрализация физического и социального пространства: стремление общества к горизонтали, противопоставленной навязываемой государством вертикали.

Эмпирическую основу концепции «номадного бытия» составляют интервью и наблюдения, собранные Султаналиевой среди участниц киргизского феминистского движения. Опыт этих женщин подтвердил: активизм в Центральной Азии формируется не как организованное движение, а как сеть разрозненных инициатив, продиктованных конкретными обстоятельствами и личными стратегиями выживания. Образ активистки, по признанию авторки, оказался иным, чем ожидалось: это не идеалистка, вдохновленная теорией, а прагматичная женщина — сельская учительница, врач, многодетная мать, — которая действует по ситуации, прибегая к тем аргументам, что эффективнее в данный момент. Для большинства респонденток феминизм не является ни идеологией, ни проектом будущего. Их активность носит ситуативный, несистемный характер, а объединения — временные и символические. Султаналиева видит в этом проявление самой сути «номадного бытия» — существования без стратегического центра, но с готовностью к спонтанной солидарности (Р. 142–143). Такая позиция противоположна «колониальности бытия», стремящейся упорядочить и рационализировать. В «кочевом» же подходе любое внешнее влияние принимается прагматично: как ресурс, который можно использовать, не отдаваясь ему полностью. Монография Сыйнат Султаналиевой предлагает редкий для постсоветских гендерных исследований пример соединения

теоретической рефлексии и эмпирического анализа. Опираясь на концепт «номадного бытия», авторка показывает, как женские движения в Центральной Азии формируют собственные формы участия, опираясь не на идеологические модели, а на повседневные практики выживания, солидарности и гибкости. Эти наблюдения важны не только для понимания эволюции феминизма в незападных обществах, но и для более широкого анализа гражданской активности и социального самоуправления в условиях изменяющихся политических и культурных режимов.

Работа Султаналиевой демонстрирует, что «кочевое» существование может быть не слабостью, а ресурсом адаптации и устойчивости. В этом смысле ее исследование ценно как для гендерных исследований, так и для сравнительной социальной политики, изучающей взаимодействие локальных инициатив и государственных институтов в постсоветском пространстве.

Список источников

Абдулкаримов С. А. (2023) Спортивный феминизм: вызовы эмансипации. Вестник антропологии, (4): 118–135.

Адаян Т. А. (2012) К вопросу о правовом статусе женщины в Турецкой Республике. Теория и практика общественного развития, (1): 198–201.

Баканова М. В. (2021) Феминистское движение в Пакистане: вчера, сегодня, завтра. Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение, (1–2): 306–314.

Бараева З. М. (2003) Женщина в мусульманском обществе (Проблемы трансформации социального и правового статуса), автореф. дис. Махачкала.

Березина А. В. (2021) Феминизм в Иране: генезис и эволюция. Концепт: философия, религия, культура, 5 (2): 114–130.

Березина А. В., Дербугова О. В. (2021) Исламская революция и женский вопрос в Иране в аспекте социальной коммуникации. Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика, 10 (6): 19–26.

Гришак С. Н. (2018) Становление и развитие гендерного образования в высшей школе Кыргызской Республики. Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына, (2): 29–35.

Гудова М. Ю. (2011) Чтение женских глянцевых журналов и трансформация нравов женского читательского сообщества: опыт модернизации в странах Юго-Восточной Азии. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 8 (3): 76–79.

Доржу З. Ю. (1993) Социальное положение женщин в республике Тыва. История и современность (1921–1993 гг.), автореф. дис. Москва.

Ибраева Э. А., Лоу П. К.Ч. (2016) Модели потребительского поведения в казахстанском обществе. Проблемы современной науки и образования, 12 (54): 54–56.

Касымова С. Р. (2004) Гендерная система в контексте социальных изменений таджикского общества, автореф. дис. Душанбе.

Мильто А. В. (2021) Ключевые проблемы и направления постколониального феминизма. Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки, 15 (4): 516–525.

Николаева Г. А. (2013) Национально-культурная специфика гендерных отношений (на материалах Республики Бурятия), автореф. дис. Санкт-Петербург.

Потураева А. В. (2020) История развития и теоретико-методические основы гендерной географии. Региональные исследования. (2): 39–51.

Самович Ю. В. (2024) Гендерное противостояние в Республике Корея. Евразийский журнал региональных и политических исследований, (2): 10–13.

Степанова Е. Н. (2009) Положение женщин и гендерный вопрос в современном Тайване. Проблемы Дальнего Востока, (6): 86–99.

Тюрина Е. П. (2023) Западный феминизм и его влияние на женское движение в Индии. Вестник Института востоковедения РАН, (4): 171–182.

Шаброва Е. С., Разворотнева А. Е. (2022) Влияние исторических и социальных факторов на уровень безопасности женщин в современной городской среде. Виктимология, 9 (3): 340–348.

Burton S., Workman A. (2024) Domestic Violence as Industry: Whiteness in Action and the Forgotten Identities. In: J. Ravulo, K. Olcoń, T. Dune, A. Workman, P. Liamputpong (eds.) *Domestic Violence in Australia. Handbook of Critical Whiteness*. Springer, Singapore: https://doi.org/10.1007/978-981-19-1612-0_97-1.

Matić U. (2018) De-colonizing the Historiography and Archaeology of Ancient Egypt and Nubia. Part 1. Scientific Racism. *Journal of Egyptian History*, 11 (1–2): 19–44.

Ntakiyica N (2023) Syinat Sultanlieva: ‘Nomadity of Being’ in Central Asia: Narratives of Kyrgyzstani Women’s Rights Activists. *International Quarterly for Asian Studies*, 54 (4): 457–460.

Smeyulka V. V. (2013) The Use of Foreign Vocabulary in Women’s Magazines: Functions and Features. *Woman in Russian Society*, 1 (66): 81–95.

Sultanlieva S. (2023) *‘Nomadity of Being’ in Central Asia Narratives of Kyrgyzstani Women’s Rights Activists*. Singapore: Palgrave Macmillan, Springer Nature Singapore Pte Ltd. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-5446-7>

Anna Kazakova

THE PATH WITHOUT A MAP: WOMEN'S MOVEMENTS IN CENTRAL ASIA

Sultanalieva S. (2023) 'Nomadity of Being' in Central Asia Narratives of Kyrgyzstani Women's Rights Activists. Singapore: Palgrave Macmillan, Springer Nature Singapore Pte Ltd. 169 p. ISBN 978-981-19-5445-0.

Citation: Kazakova A. (2025) Put' bez karty: zhenskie dvizheniya Tsentral'noy Azii [The Path Without a Map: Women's Movements in Central Asia. Book review: Sultanalieva S. (2023) 'Nomadity of Being' in Central Asia Narratives of Kyrgyzstani Women's Rights Activists. Singapore: Palgrave Macmillan, Springer Nature Singapore Pte Ltd. 169 p. ISBN 978-981-19-5445-0]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 23 (3): 603–612

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-3-603-612

References

Abdulkarimov S. A. (2023) Sportivnyj feminizm: vyzovy emansipacii [Sports Feminism: Challenges of Emancipation]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], (4): 118–135.

Adayan T. A. (2012) K voprosu o pravovom statuse zhenshchiny v Tureckoj Respublike [On the Issue of the Legal Status of Women in the Republic of Turkey]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], (1): 198–201.

Bakanova M. V. (2021) Feministskoe dvizhenie v Pakistane: vchera, segodnya, zavtra [The Feminist Movement in Pakistan: Yesterday, Today, Tomorrow]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism], (1–2): 306–314.

Baraeva Z. M. (2003) *Zhenshchina v musul'manskem obshchestve (Problemy transformacii social'nogo i pravovogo statusa)*, avtoref'erat dissertation [A Woman in Muslim Society (Problems of Transformation of Social and Legal Status), abstract of the dissertation]. Makhachkala.

Berezina A. V. (2021) Feminizm v Irane: genezis i evolyuciya [Feminism in Iran: Genesis and Evolution]. *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: Philosophy, Religion, Culture], (5) (2): 114–130.

Berezina A. V., Derbugova O. V. (2021) Islamskaya revolyuciya i zhenskij vopros v Irane v aspekte social'noj kommunikacii [The Islamic Revolution and the Women's Issue in Iran in the Aspect of Social Communication]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], 10 (6): 19–26.

Burton S., Workman A. (2024) Domestic Violence as Industry: Whiteness in Action and the Forgotten Identities. In: J. Ravulo, K. Olcoń, T. Dune, A. Workman, P. Liamputpong (eds.) *Domestic Violence in Australia. Handbook of Critical Whiteness*. Springer, Singapore: https://doi.org/10.1007/978-981-19-1612-0_97-1.

Dorzhu Z. Y. (1993) *Social'noe polozhenie zhenshchin v respublike Tuva. Istoryya i sovremennoст' (1921–1993 gg.)*, avtoreferat dissertaci [The Social Status of Women in the Republic of Tuva. History and Modernity (1921–1993), abstract of the dissertation]. Moscow.

Grishak S. N. (2018) Stanovlenie i razvitiye genderного obrazovaniya v vysshej shkole Kyrgyzskoj Respubliki [Formation and Development of Gender Education in Higher Education in the Kyrgyz Republic]. *Vestnik Kyrgyzskogo Nacionaльnogo Universiteta imeni Zhusupa Balasagyna* [Bulletin of the Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University], (2): 29–35.

Gudova M. Y. (2011) Chtenie zhenskih glyancev v zhurnalov i transformaciya nraov zhenskogo chitatel'skogo soobshchestva: opyt modernizacii v stranah Yugo-Vostochnoj Azii [Reading Women's Glossy Magazines and the Transformation of the Mores of the Female Readership: The Experience of Modernization in Southeast Asian Countries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice], 8 (3):76–79.

Ibraeva E. A., Low P. K. Ch. (2016) Modeli potrebitel'skogo povedeniya v kazahstanskem obshchestve [Models of Consumer Behavior in Kazakh Society]. *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education], 12 (54): 54–56.

Kasymova S. R. (2004) *Genderная sistema v kontekste social'nyh izmenenij tadzhikskogo obshchestva*, avtoreferat dissertaci [Gender System in the Context of Social Changes in Tajik Society, abstract of the dissertation]. Dushanbe.

Matić U. (2018) De-colonizing the Historiography and Archaeology of Ancient Egypt and Nubia. Part 1. Scientific Racism. *Journal of Egyptian History*, 11 (1–2): 19–44.

Milto A. V. (2021) Klyuchevye problemy i napravleniya postkolonial'nogo feminizma [Key Issues and Trends of Postcolonial Feminism]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. Humanities Series], 15 (4):516–525.

Nikolaeva G. A. (2013) *Nacional'no-kul'turnaya specifika gendernyh otnoshenij (na materialah Respubliki Buryatiya)*, avtoreferat dissertaci [National and Cultural Specifics of Gender Relations (Based on the Materials of the Republic of Buryatia), abstract of the dissertation]. Saint-Petersburg.

Ntakiyica N (2023) Syinat Sultanaliева: 'Nomadity of Being' in Central Asia: Narratives of Kyrgyzstani Women's Rights Activists. *International Quarterly for Asian Studies*, 54 (4): 457–460.

Poturaeva A. V. (2020) Istoryya razvitiya i teoretiko-metodicheskie osnovy gendernoj geografii [The History of Development and Theoretical and Methodological Foundations of Gender Geography]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], (2): 39–51.

Samovich Yu.V. (2024) Gendernoe protivostoyanie v Respublike Koreya [Gender Conflict in the Republic of Korea]. *Evrazijskij zhurnal regional'nyh i politicheskikh issledovanij* [Eurasian Journal of Regional and Political Studies], (2): 10–13.

Shabrova E. S., Razvorotneva A. E. (2022) Vliyanie istoricheskikh i social'nyh faktorov na uroven' bezopasnosti zhenshchin v sovremennoj gorodskoj srede [The Influence of Historical and Social Factors on the Level of Women's Safety in the Modern Urban Environment]. *Victimologiya* [Victimology], 9 (3): 340–348.

Smeyukha V. V. (2013) The Use of Foreign Vocabulary in Women's Magazines: Functions and Features. *Woman in Russian Society*, 1 (66): 81–95.

Stepanova E. N. (2009) *Polozhenie zhenshchin i gendernyj vopros v sovremennom Tajvane* [The Status of Women and the Gender Issue in Modern Taiwan]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], (6): 86–99.

Sultanaliева S. (2023) 'Nomadity of Being' in Central Asia Narratives of Kyrgyzstani Women's Rights Activists. Singapore: Palgrave Macmillan, Springer Nature Singapore Pte Ltd. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-5446-7>

Tyurina E. P. (2023) Zapadnyj feminism i ego vliyanie na zhenskoe dvizhenie v Indii [Western Feminism and Its Influence on the Women's Movement in India]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences], (4): 171–182.